

Отзыв официального оппонента
о диссертации А.Р. Канторовича на тему:
"Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология,
хронология, эволюция",
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.
Специальность 07. 00. 06 – археология.

Изучение столь важного компонента культуры как скифский или скифо-сибирский звериный стиль весьма важно для понимания целого ряда процессов, протекавших на территории Евразии в первой половине I тыс. до н.э. Этот феномен уже давно привлекал внимание исследователей, рассматривавших его в самых различных аспектах и в самых разных географических рамках. Однако столь полного изучения, учитывающего практически все известные на сегодняшний день изображения этого стиля, точнее его варианта, распространенного на территории Восточной Европы, до сих пор не предпринималось и уже одно это делает работу чрезвычайно ценной. В распоряжении автора оказалось 2192 оригинальных изображений, которые он подверг самому тщательному всестороннему анализу в соответствии с выработанными им критериями. Значение такой работы трудно переоценить.

Диссертация состоит из Введения, семи глав и трех Приложений, каждое из которых, имея самостоятельное значение, дополняет и обогащает работу. Первая Глава посвящена принципам, положенным автором в основу его классификации, типологии и хронологии, что для работы подобного рода совершенно необходимо, Главы II-VI содержат анализ образов звериного стиля, то есть главным образом хищников, копытных, птиц и синкретических существ, а также некоторых других животных, проведенный в соответствии с изложенными в Главе I критериями, в Главе VII рассматривается в целом репертуар образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского звериного стиля, их хронологическая и пространственная динамика. Работа в целом насчитывает 1724 страницы. Подобный объем не позволяет в по необходимости кратком отзыве останавливаться на всех затронутых в диссертации темах, поэтому я позволю себе сосредоточиться на некоторых основных вопросах. Прежде всего весьма важным мне кажется то, что автор четко разделяет восточноевропейский и азиатский варианты явления, называемого скифо-сибирским звериным стилем, то есть, признавая целостный характер этого феномена, называемого им "большим стилем", подчеркивает его различия, связанные в значительной степени с историей обоих регионов. Уже во Введении (с. 8)

дается четкое определение ареала "собственно скифского" звериного стиля – степь и лесостепь Восточной Европы, включая Крым, а также Северный Кавказ. Хотя звериный стиль Восточной Европы в свою очередь, как подчеркивает автор, разделяется на несколько локальных вариантов, это не нарушает целостности его характера. По заключению автора, этот стиль присущ именно скифской археологической культуре. В то же время А.Р. Канторович подчеркивает, что процесс формирования скифского звериного стиля в целом достаточно обособлен и имеет свою внутреннюю логику развития (с. 1004). Думаю, с этим следует согласиться, также и потому, что в основе скифо-сибирского звериного стиля очевидно лежат мифологические представления, не ограниченные рамками одной археологической культуры. Думаю, что в будущем Анатолий Робертович более подробно остановится на общем и отдельном в этих двух основных вариантах скифо-сибирского звериного стиля.

А.Р. Канторович, что очень важно, четко определяет критерии принадлежности изображения именно к скифо-сибирскому звериному стилю, выделяя три основных ее признака (с. 44). Нужно отметить, что определения такой принадлежности, среди которых есть и весьма удачные, давались многими исследователями, но критерии, предложенные автором диссертации, представляются наиболее емкими.

Очень тщательно разработана автором классификация изображений животных, выполненная в соответствии с диагностированием их как относящихся к скифо-сибирскому звериному стилю. Изображения последовательно разделяются по образным, сюжетным и сюжетно-стилистическим совокупностям признаков, в свою очередь делимым на типы и при необходимости на варианты. Предложенная система несомненно жизнеспособна. Особенно убеждает в этом тот факт, что описывая отдельные образы и их многочисленные варианты, исследователь четко придерживается выработанной схемы, не нарушая ее даже в мелочах. Разработанная классификация и типология несомненно могут быть использованы и при описании тех образов звериного стиля, которые могут быть обнаружены в дальнейшем.

Большое и, несомненно, необходимое внимание уделено вопросам хронологии. Каждый выделенный автором тип четко и с приведением соответствующей аргументации датирован, а в Приложении 1 приводится полный список опорных хроноиндикаторов, то есть даты всех упоминаемых в работе памятников, содержащих предметы с изображениями звериного стиля. В случае разногласия исследователей по этому вопросу, автор и в тексте, и в Приложении приводит все мнения (см. например, сс. 1281-82, 1285-86 и др.), обосновывая при этом собственную позицию (сс. 73-76, 1308 и др.). Но самое интересное заключается в том, что автор не только датирует тот или иной образ, исходя из

хронологии содержавшего его памятника, но в ряде случаев уточняет эту дату или относительную позицию комплекса в ряду одновременных памятников на основании особенностей трактовки фигуры животного или ее части (сс. 103, 130, 268, 356, 368, 371, 614, 689 и др.). Тщательный анализ мельчайших деталей позволил Анатолию Робертовичу в ряде случаев отличить оригинальный образ от его реплик, что в свою очередь дало основание для определения относительной позиции содержавших эти вещи комплексов (сс. 69, 251, 266, 396, 614, 689, 783 и др.). В целом автор четко разделил два основных периода существования скифского звериного стиля Восточной Европы, обозначенные им как "скифская архаика" и "скифская классика", соответственно VII-VI и V-IV вв. до н. э. Отмечу, что автор не находит аргументов в пользу удревнения начала формирования восточноевропейского звериного стиля, не считая таковым рысайкинский псалий, что мне представляется убедительным, несмотря на весьма интересные наблюдения А.С. Балахванцева (с. 979). Для каждого из основных периодов выявляется преобладающий репертуар образов и способов их воплощения, что позволяет убедительно датировать и изображения, найденные вне комплексов. Как подчеркивает автор, несмотря на отмеченные различия "архаика" в значительной мере определяет "классику", что свидетельствует о единстве этого феномена. По его мнению, скифское искусство развивалось от более реалистичного к схематичному и уже под греческим влиянием снова приобрело реалистические черты. Огромный материал, проработанный автором, не позволяет сомневаться в этом выводе, но все-таки нужно учитывать, что уже самые ранние образцы восточноевропейского стиля, не будучи схематичными, весьма далеки от реализма.

Описывая тот или иной выделенный им тип животного, А.Р. Канторович также всегда четко определяет его ареал, что сразу определяет особенности распространения типа как внутри скифской археологической культуры, так иногда и за ее пределами.

Тщательная датировка и хорошо разработанная типология позволили А.Р. Канторовичу наметить основные направления эволюции практически всех образов скифского звериного стиля, что представляется чрезвычайно важным и в подобном объеме впервые разработанным. Автор выбрал метод, согласно которому каждое животное описывается отдельно, независимо от контекста, в котором оно представлено. В результате иногда к описанию единого изображения приходится обращаться по несколько раз, в зависимости от количества участвовавших в композиции. образов. Это может приводить к некоторой потере целостности впечатления (см., например, майкопскую бляху с хищником, стоящим в кольце, образованном двумя другими хищниками сс. 1351, 1355, 1371), но зато репертуар отдельных животных представлен во всей полноте. В ряде

случаев исследователю удалось установить четкий эволюционный ряд (например, сс. 95, 192, 194, 199, 215, 911, 976 и др) или выделить отдельные первичные и вторичные изображения (сс. 69, 87, 107, 111, 175, 244, 251, 266 и др.), а также установить "иконографические ядра" (сс. 102-104, 150, 233, 244, 350, 892, 983 и др). При этом нужно подчеркнуть чрезвычайно ответственное отношение Анатолия Робертовича к определению начала эволюционного ряда. При необходимости он не боится признать, что истоки того или иного типа пока неизвестны (с. 126 и др.). Интересно выделение двух стадияльно последовательных канона в изображении лежащего хищника, которые легли в основу изображения хищника, свернувшегося в кольцо (сс. 302, 875, 876). Темы преемственности и сходства в изображении отдельных животных особенно наглядно продемонстрированы в Приложении 2, состоящем из рисунков, соединенных линиями, подчеркивающими сходство в композиции и отдельных деталях. Материал приведен исчерпывающий, что конечно не исключает возможности в отдельных случаях других трактовок. Так, например, мне трудно представить развитие восточноевропейского образа свернувшегося хищника под влиянием аржанского, как это как будто следует из таблицы, в силу особой выработанности и сглаженности аржанского изображения. Однако это только частное мнение, а в целом развитие образов прослеживается с исчерпывающей полнотой.

Большое внимание уделено в работе проблеме влияния других художественных традиций на становление скифского звериного стиля и его отдельных образов. Автор четко выделяет влияние искусства восточной зоны звериного стиля, переднеазиатского, ионийского и фракийского искусства, в меньшей степени кобанского и искусства савроматского круга. Выявляя такие влияния, исследователь в каждом отдельном случае подчеркивает различия в их проявлениях. Так, например, влияние переднеазиатского, точнее саккызского и луристанского искусства, прослеживается в стилистике и композиции, как, например, в Краснознаменско-новозаведенском типе хищника (с. 873), или только в акцентировании лобных мускулов, истоки которого Анатолий Робертович находит в переднеазиатском и древнегреческом искусстве (с. 221). Бровная складка, обозначенная сегментовидной фигурой из трех валиков с двумя желобками между ними, справедливо отмечается как деталь, характерная при изображении птиц и зверей в искусстве Передней Азии, передача птичьего хвоста в виде пальметки как заимствованная из греческой традиции и пр. Особенно широкие заимствования прослеживаются из ахеменидских, греко-персидских (сс. 881, 882, 889 и др.) или греческих источников (сс. 720, 865, 951 и др). Подчеркивая распространение в скифской среде заимствованного образ грифона, автор отмечает замещение его синкретическими образами, более

соответствующими местной идеологии. Наряду с этим отмечается и влияние, которое собственно скифский звериный стиль оказывал на соседние традиции, например на греко-фракийскую (как, например, на протому хищника на налобнике из Чмыревой могилы, с. 247) или переднеазиатскую (как образ бараноптицы, с. 802) и др. Как показывает автор, модификация мифологических образов, осуществлявшаяся скифским звериным стилем в эпоху архаики, происходила в основном на Северном Кавказе, то есть на плацдарме скифских переднеазиатских походов, где концентрировались тогда художественные заимствования и импорты (с. 991)

Обращаясь к проблеме происхождения скифского звериного стиля Восточной Европы как целостного феномена, Анатолий Робертович совершенно справедливо подчеркивает отсутствие какого-либо одного источника, который бы лежал в основе его формирования. При этом весь тщательно проанализированный материал позволил автору сделать аргументированное заключение о достаточно быстром, динамичном характере сложения скифского звериного стиля, во всяком случае на территории Восточной Европы. Хотя отдельные элементы предскифских культур могут быть прослежены, как, например, рудименты орнамента или даже трактовки некоторых зооморфных образов, в целом это явление совершенно новое. Автор выделяет три фактора, повлиявших на его создание – переднеазиатское искусство, с которым скифы познакомились в результате своих походов, художественные импульсы, проникавшие из восточных зон скифо-сибирского мира, возможно как следствие миграционных волн, и влияние, во всяком случае со второй половины VII в. до н. э., ионийского искусства. С этим безусловно следует согласиться, хотя, мне кажется, нельзя игнорировать и потребность в изобразительном искусстве, возникшую на определенном этапе в недрах собственно скифского общества. Как совершенно справедливо отмечает автор, вывод о происхождении какого-нибудь отдельного образа, сюжета, мотива, или даже их группы, не может быть определяющим в вопросе о происхождении как искусства звериного стиля, так и скифской культуры в целом (с. 1004). Рассматривая возможные истоки сложения каждого из рассматриваемых типов, А.Р. Канторович показывает сложность этого процесса, иногда не позволяющую однозначно определить его первоначальные импульсы. Так, например, подчеркивая несомненную композиционную связь Келермесско-яблоновского и Ковалевско-кулаковского типов хищников, Анатолий Робертович не исключает возможного влияния на более поздний Ковалевско-кулаковский тип образов савромато-сако-сибирской зоны. Он прослеживает и возможные влияния других традиций на ряд "отпочковавшихся" от основных канонов образов свернувшегося хищника (с. 877 сл.). В целом автор четко демонстрирует на ряде примеров сложность формирования отдельных даже родственных

типов и значения деталей при выявлении таких импульсов (см., например, с. 878, 879 и др.).

Тщательно рассматривая отдельные мельчайшие детали изображений, автор никогда не забывает о роли этого искусства в различных областях жизни скифского общества. Так, в работе уделяется особое внимание тем вещам, на которые наносились изображения "скифских зверей". Функции предмета неукоснительно отмечаются при описании каждого конкретного образца выделенного автором типа, что представляется очень ценным. В результате исследователь приходит к выводу об абсолютном преобладании предметов конского убора и вооружения как объектов для изображений в зверином стиле. Его полный и практически исчерпывающий анализ подтвердил сделанный на значительно меньшем материале вывод А.И. Мелюковой об определяющей роли воинской среды при формировании эстетических принципов скифского искусства (с. 865 сл.). Подсчетам такого соотношения посвящена табл. 3 Приложения 3, где приведена его полная статистика. В результате с математической точностью продемонстрировано, что на предметах конского снаряжения основные образы располагаются в следующем порядке – чаще всего копытные, а затем по нисходящей хищники и птицы, а особенно сопряжен с конским убором образ бараноптицы (с. 982). На предметах вооружения, наоборот, преобладают хищные виды птиц, за которыми следуют хищники, копытные и синкретические существа. Как подчеркивает автор, семантика здесь прослеживается достаточно четко. Рассматриваются и другие предметы, на которые наносились изображения (сосуды, элементы костюма, зеркала, навершия и пр.) и все с цифрами, датой и географической привязкой, то есть будущие исследователи идеологии скифского общества получили таким образом важнейший исходный материал.

Особую ценность представляют представленные в работе исчерпывающие подсчеты, которым подвергнуто 2192 изображения. Приведена полная статистика всех образов и их 343 типов с определением их процентного соотношения. Стало возможным оценить степень стандартизации отдельных образов (сс. 863-865, с. 1687 – Приложение 3, табл. 2). Так, например, наиболее стандартизированной оказалась птица, менее хищник и т. п. Вообще статистическая обработка придает выводам автора особую фундированность и избавляет от возможности случайных заключений.

Нужно отметить, что в каждом случае, рассматривая весьма далекие от реальности образы животных скифского звериного стиля, автор учитывает их природный прототип. Это позволяет ему отметить те особенности, которые именно этими прототипами могут объясняться, а также оценить возможность непосредственного знакомства скифского мастера с этим прототипом. Отсутствие такого знакомства увеличивает шанс

заимствования образа. Хорошее изучение природы позволило А.Р. Канторовичу сделать ряд интересных наблюдений о появлении в трактовке образов животных тех или иных деталей (например, сс. 275, 305, 347, 409, 973, 983 и др.) или подчеркнуть неоднозначность заключения о фантастичности того или иного образа. Так, например, описывая Майкопско-журавский тип редуцированной птицы, автор отмечает, что шерсть в основании головы одного из изображений может трактоваться и как пограничность с образом хищника, и наоборот, как характерная черта возможного природного прототипа – черного грифа, имеющего ожерелье из длинных заостренных перьев (с. 681).

Хорошее представление о технологии производства предметов, на которые нанесены изображения в зверином стиле, позволяет автору избегать возможных ошибок в определении животных, как, например, в случае с Малгобекским хищником, которого он, в противоположность другим исследователям, не считает существом синкретическим, так как особенности, приведшие к такому заключению, объясняются не задумкой мастера, а техническим приемом (с. 72). Со сложностью отливки, как показывает автор, связаны и особенности Уляпского типа (с. 336, см. также сс. 477, 543, 659 и др.).

Важно также отметить, что все свои заключения А. Р. Канторович строит на тех артефактах, с которыми, как правило, ему удалось познакомиться лично или в крайнем случае по фотографиям. Те изображения, которые по тем или иным причинам вызвали его сомнения, не учитывались. А это значит, что в каждой приведенной в работе "извилине", создающей сложный образ скифского звериного стиля, можно не сомневаться.

Прекрасно знаком автор и с обширной историографией проблемы скифского звериного стиля, обращаясь к которой он демонстрирует чрезвычайно уважительное отношение к своим предшественникам, независимо от того, насколько совпадают их мнения.

Конечно, все аспекты темы скифского звериного стиля отразить в этой работе было невозможно и не нужно, но нет сомнения, что автор будет продолжать свои плодотворные исследования, расширяя круг затрагиваемых проблем.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что гигантская работа, проделанная Анатолием Робертовичем, вряд ли когда-нибудь потеряет свое значение. Не сомневаюсь, что всем исследователям, которые когда-либо будут обращаться к неисчерпаемой теме скифского звериного стиля, придется с благодарностью прибегать к этой работе и в значительной степени на нее опираться, а также, скорее всего, следовать предложенным автором принципам классификации. Появление такого исследования – несомненно, новый шаг в скифологии. Работа, безусловно, должна быть напечатана, причем полностью, без

сокращений, несмотря на ее огромный объем. Что касается объема диссертации, его, учитывая специфику жанра, наверное, следовало бы уменьшить, но сейчас это пожелание значения не имеет.

Представленное диссертационное исследование "Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция" отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук. Автореферат полноценно отражает содержание диссертации. Материалы и выводы диссертации опубликованы в многочисленных работах А.Р. Канторовича, в том числе – в ведущих рецензируемых изданиях.

Все изложенное позволяет мне ходатайствовать о присвоении Анатолию Робертовичу Канторовичу ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 - археология.

Главный научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института востоковедения Российской академии наук
доктор исторических наук

М.Н. Порребова

10.06.2015 г.

107031 Москва, ул. Рождественка, 12
7 (495) 625-93-07 <http://www.ivran.ru/> inf@ivran.ru

